

Вег. Москва.-

Среда, 11 марта 1992 года

«Вечерняя Москва»

«Поминальная молитва» на иврите

ОТЪЕЗД МНЕ ПРОТИВОПОКАЗАН

Не так давно на сцене «Ленкома» состоялась премьера спектакля «Поминальная молитва». В его основе — пьеса Г. Горина по мотивам произведений Шолом-Алейхема. Художественному руководителю Камерного театра из Тель-Авива Илану Ронену, побывавшему на премьере, спектакль так понравился, что он предложил режиссеру Марку Захарову осуществить постановку этой же пьесы в Израиле. Предложение было принято. И вот сегодня наш корреспондент Елена Курбанова беседует с главным режиссером «Ленкома» М. А. Захаровым, вернувшимся из Тель-Авива в Москву.

— Марк Анатольевич, как вы думаете, почему выбор дирекции Камерного театра в Тель-Авиве пал именно на «Поминальную молитву», а не на любую другую спектакль «Ленкома»?

— Илан Ронен признался мне: постановка эта поразила тем, что не была похожа на привычные идишеобразные сценические интерпретации Шолом-Алейхема, которых он видел за свою жизнь достаточно много. Ему понравилось некое интернациональное, не связанное плотно с этнографией звучание трагикомического характера. Он решил, что спектакль может иметь успех в Израиле.

В Тель-Авиве я поставил, наверное, не совсем тот спектакль, который идет в Москве, поскольку я всегда стараюсь взаимодействовать с нервной системой именно данного актера (почему, кстати, мне и даются так трудно вторые составы), с его темпераментом, с его биологией, наконец... Там были совсем иные условия.

Я работал с другими актерами. В той стране совершенно иной взгляд на религиозные проблемы и посему иной контакт со зрителями. Спектакль называется «Молитва», так как «поминальная молитва» на иврите звучит слишком скорбно.

— В «Ленкоме» использовались прекрасные декорации, выполненные О. Шейнцисом. Кто отвечал за сценографию в Израиле?

— Он же. Правда, там были несколько другие габариты сцены, другая архитектура. Поэтому в сценографию спектакля внесены изменения. Я бы сказал — в лучшую сторону, так как там больше сценического пространства.

— Остались ли вы довольны вокальной группой?

— Да. И для меня было приятной неожиданностью, что после сценных венчания в православной церк-

ви любимой дочери Тевье, когда она становится христианкой и звучат православные молитвы, в зале каждый раз возникали аплодисменты. Ведь нам удалось создать вокальную группу, состоявшую из профессионалов высокого класса — бывших солистов ведущих оперных театров России, которые приехали туда и не могут добиться прежнего положения. Хор получился очень сильным и мощным.

— В Москве в спектакле заняты замечательные артисты — Е. Леонов, В. Стеклов, А. Абдулов, В. Ларионов, В. Шанина, А. Сирин, Л. Матюшина, И. Фокин — всех не перечислишь. А как там?

— Я остался доволен. Очень интересен главный исполнитель Хиски Авнер — израильтянин болгарского происхождения. Это обстоятельство давало возможность мне с ним общаться зачастую без переводчика. Мы хорошо понимали друг друга. Это такой маленький человек чаплинского склада. Будучи известным актером, он не имеет все-таки такой популярности, как, скажем, у нас Е. Леонов, и поэтому его появление в начале спектакля зал не встречает аплодисментами. Но на наших глазах он растет, раскрывается, и мы понимаем, что перед нами — Личность, обладающая огромным энергетическим потенциалом. Это актер сильного темперамента и хорошо понимающий юмор. В роли Голды — также интересная актриса Хана Рот из Хайфы. Ну и все остальные исполнители были не похожи на наших. Кто-то даже был в чем-то сильнее, кто-то уступал.

— Как принимался спектакль первыми зрителями? За что вы волновались больше всего?

— Страшнее всего для меня было то, что мне заранее сказали: такого-то числа у вас — дежурный свет, такого-то — мы выставляем полный свет, тогда-то — первые не-

официальные зрители, здесь — генеральная репетиция, такого-то числа — премьера. Абсолютно все было заранее рассчитано и распланировано. Такой стиль работы, с одной стороны, вызывает уважение, а с другой — некоторый страх. Мы как-то привыкли, что всегда можно что-то отложить, перенести сроки. В Тель-Авиве с этим было жестко.

Что касается премьеры, то уехал я после третьего спектакля. Прием был в достаточной мере восторженный, с довольно высокой оценкой. Я еще в Москве подозревал, что могут возникнуть некоторые сложности. Ведь и мое приглашение было связано изначально с некоей жаждой, ну, если не скандала, то создания ситуации дискуссионного характера (театру ведь время от времени нужны события, которые могут вызвать дискуссию). Русский спектакль по еврейской классике — это уже основа для бури, взрыва...

— Особенно если учесть, что в основе постановки пьеса Г. Горина, написанная «по мотивам». А сам Горин утверждает, что «пьеса по мотивам» отличается от произведения в той же мере, в какой свободный поэтический перевод отличается от подстрочника...

— Вернувшись через некоторое время после меня из Тель-Авива Г. Горин рассказал мне, что «идеологические» претензии к спектаклю, как мы и предполагали, есте-

ственно, возникли. Хотя все оппоненты оценили художественное звучание постановки, и никто не поставил под сомнение ее художественный уровень. Но, например, в дирекцию звонили педагоги, которые приводили на спектакль своих студентов, с категорическим требованием запретить постановку за «искажение классики». Дирекция, добивавшаяся некоего «шума» вокруг спектакля, по-моему, была чрезвычайно довольна. Ну а у меня сразу потеплело на сердце, так как вспомнились привычные идеологические формулировки. К требованию «запретить» я отнесся сентиментально-трогательно: приятно все-таки встретиться с молодостью и со всеми такими «нашими», родными проблемами, которые постепенно начинают забываться...

— Собираетесь ли вы ставить в Тель-Авиве что-нибудь еще?

— Мне сказали, что были бы рады меня видеть в 1993 году с каким-нибудь спектаклем, который я сам бы им предложил.

— Марк Анатольевич, мы как-то уже привыкли, что все лучшее у нас идет на экспорт. К сожалению, единственное, чем мы пока еще богаты, так это талантливыми людьми. Многие наши режиссеры сегодня ставят за рубежом, нашли своего западного зрителя. Это прекрасно. Но обидно, что мы эти спектакли не увидим. Вариант вашей «Молитвы» — определенный компромисс в этом смысле. Ну а все-таки, как вы думаете, насколько вправде большой художник «обделять вниманием» своего зрителя?

— Вопрос не из легких. Вы знаете, Израиль — это особое государство. Там сейчас живет очень много бывших наших соотечественников. Культурные и духовные контакты с этой страной очень тесные. Туда устремилось огромное количество наших актеров. Они выступают с различными музыкальными, театральными, литературными программами. В одно время со мной там были В. Смехов, З. Гердт, А. Малинин, Е. Леонов, А. Пугачева, Г. Горин... У меня самого было несколько творческих встреч. Но мне лично прежде всего хочется ставить пьесы в своем театре в Москве. Работа в Израиле была для меня прорывом в другую среду, необходимым для обогащения впечатлениями, да и не буду скрывать, возможностью заработка. А уезжать насовсем не собираюсь. Этот вопрос для меня решен давно. Отъезд из России мне противопоказан.

Елена КУРБАНОВА.

Шарж А. ИОРША.